

Ковалёв Сергей Николаевич

ФОРМИРОВАНИЕ УСЛОВИЙ ВЫПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРОВ О ВЗАИМОПОМОЩИ СССР С ЭСТОНИЕЙ, ЛАТВИЕЙ И ЛИТВОЙ (1939 Г.): ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Проанализированы документы, регламентировавшие отношения советских воинских континентов (сил) с населением и властями Эстонии, Латвии и Литвы в период с осени 1939 г. по лето 1940 г. Показан сложный характер развития этих отношений. Основное внимание автор уделяет наиболее характерным проблемам и причинам их возникновения в практике реализации достигнутых соглашений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 102-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ORTHODOX MONASTERIES CHARITY DURING THE FIRST WORLD WAR

Antonina Vladimirovna Klyuchareva, Ph. D. in History
Department of Theology
Tula State University
tony-kl@mail.ru

The author analyzes the basic directions of Orthodox monasteries activity during the First World War by the materials of Tula region state archive and the periodicals of 1914-1916 and concludes that under the crisis phenomena in the life of Russian Orthodox Church at the beginning of the XXth century the monkhood readily responded to the state call to help in difficult conditions.

Key words and phrases: First World War; monkhood; charity; Russian Orthodox Church; patriotism; social work.

УДК 9(С)26

Проанализированы документы, регламентировавшие отношения советских воинских контингентов (сил) с населением и властями Эстонии, Латвии и Литвы в период с осени 1939 г. по лето 1940 г. Показан сложный характер развития этих отношений. Основное внимание автор уделяет наиболее характерным проблемам и причинам их возникновения в практике реализации достигнутых соглашений.

Ключевые слова и фразы: пакты; договор о взаимопомощи; соглашения; приказы; директивы; правовые основы; военно-политическая обстановка; изменение расстановки сил в Европе; советские воинские контингенты (силы).

Сергей Николаевич Ковалёв, к.и.н.

Научно-исследовательский отдел (военной истории Северо-Западного региона РФ)
Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военная академия Генерального штаба ВС РФ
milhistory@yandex.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ УСЛОВИЙ ВЫПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРОВ О ВЗАИМОПОМОЩИ
СССР С ЭСТОНИЕЙ, ЛАТВИЕЙ И ЛИТВОЙ (1939 Г.):
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ[©]**

Поражение Польши и появление общей границы с Германией поставили перед Москвой задачу более прочного обеспечения положения Прибалтийских государств и укрепления тем самым собственной безопасности. Для этого советское правительство предложило своим соседям заключить договоры о взаимопомощи. Такие договоры были подписаны с Эстонией 28 сентября 1939 г. [11, с. 62-64] и Латвией 5 октября 1939 г. [Там же, с. 84-87]. 10 октября 1939 г. был подписан договор с Литвой, согласно которому Вильно и Виленская область передавались Советским Союзом Литовской Республике [Там же, с. 92-98].

Иллюстрацией намерений СССР служит заявление Молотова министру иностранных дел Эстонии К. Сельтеру от 24 сентября: «Договор с Германией имеет определенный срок действия, – сказал он. – Так что ни мы, ни Германия не сложили оружия» [9, с. 25], поэтому «Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море» [10, с. 135, 137-140].

Ввод и размещение контингентов сухопутных войск, ВВС и сил флота на основе межгосударственных договоров, осуществлявшийся практически одновременно на территории трех Прибалтийских государств, являлся первым таким масштабным опытом СССР [10, с. 207; 18, д. 101, л. 20]¹.

Основополагающими документами, устанавливающими правовые основы взаимоотношения контингентов советских войск (сил) с местными властями и населением явились договоры о взаимопомощи между СССР и Прибалтийскими республиками, соглашения между командованием Красной Армии, советского ВМФ и командованиями вооруженных сил Эстонии, Латвии, правительством Литвы.

Для согласования и оперативного регулирования могущих возникнуть повседневных вопросов были образованы смешанные комиссии из представителей советского командования в Эстонии, Латвии и Литве и представителей вооруженных сил этих республик. Вопросы, выходящие за пределы компетенции комиссий, должны были передаваться на решение командующих войсками Ленинградского, Калининского военного округа, Белорусского фронта (в последующем Белорусского особого военного округа) и главнокомандующих армией Прибалтийских государств [2, п. 21, д. 234, л. 22].

[©] Ковалёв С. Н., 2011

¹ СССР имел опыт военного сотрудничества с Монголией. Согласно Улан-Баторскому протоколу от 12 марта 1936 г. СССР обязывался оказывать военную помощь Монголии в течение 10 лет. В последующем, в ходе боевых действий у р. Халхин-Гол (20-31 августа 1939 г.), советско-монгольские войска окружили и разгромили группировку войск 6-й японской армии.

25 октября 1939 г. Народным комиссаром обороны СССР (НКО СССР) были изданы приказы № 0162, 0163 и 0164, регламентирующие деятельность командования и личного состава 65-го Особого стрелкового корпуса (ОСК) на территории Эстонии, 2-го ОСК в Латвии и 16-го ОСК в Литве.

В приказе НКО СССР «О поведении личного состава воинских частей Красной Армии, расположенных в Эстонии» подчеркивалось, что «свою ответственную задачу 65-й Особый стрелковый корпус выполнит с честью только в том случае, если жизнь и повседневная боевая подготовка частей будут протекать <...> при полном соблюдении ими всех пунктов Пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонской Республикой» [1, с. 12-13].

Подчеркивалось, что командиры и комиссары должны проникнуться сознанием того, что на части особых корпусов «возложена ответственнейшая задача – защищать подступы к нашей Родине», как «авангардный заслон Красной Армии от возможных покушений со стороны врагов» [15, д. 22, л. 250-253] на Советский Союз или Прибалтийские республики. Для местного населения начальствующий и рядовой состав должны «быть образцом организованности, культурности и дисциплинированности». Помимо доведения приказа во всех подразделениях предусматривалось в ходе проведения «командирских занятий и политучебы красноармейцев добиться, чтобы весь личный состав... хорошо знал и понимал приказ» [1, с. 12-13].

Приказы НКО требовали настроения о «советизации <...> в корне ликвидировать и <...> пресекать самым беспощадным образом» [Там же]. Категорически запрещались какие-либо контакты для всех категорий военнослужащих с представителями местных организаций, а также устройство совместных собраний, концертов, приемов и т.д. [11, с. 147-148]. Были установлены ограничения передачи информации в местную печать, в т.ч. «О жизни и порядках в Советском Союзе, о нашей Красной Армии» [Там же, с. 148]. Отпуска в город разрешалось организовывать только по истечении месячного срока со дня прибытия в Эстонию, Латвию и Литву только группами во главе с младшими командирами. За это время личный состав должен был ознакомиться с местными условиями и порядками [Там же].

В приказах подчеркивалось, что «командиры и комиссары должны проникнуться сознанием, что части Красной Армии находятся в чужой стране, с которой мы состоим в определенных договорных отношениях, и что они отвечают не только за свои действия, но и за действия своих подчиненных» [Там же, с. 150]. Значительное внимание было уделено организации системы контроля за личным составом [15, д. 22, л. 254-257].

В директиве Народного комиссара Военно-Морского Флота (НК ВМФ) № 3208 от 14 октября 1939 г. указывалось, что деятельность Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) в Эстонии и Латвии должна осуществляться в соответствии с «Руководством по взаимоотношениям с иностранными военными кораблями и властями», издания 1929 г. (до получения издания 1939 г.) [13, д. 464, л. 2].

В целом, приказы НКО и НК ВМФ сформировали основу системы мер, регулирующих вопросы взаимоотношения контингентов советских войск с местными властями и населением. Это в значительной степени способствовало установлению и поддержанию, в основном, бесконфликтных взаимоотношений с местными властями и гражданами Эстонии, Латвии и Литвы.

Взаимоотношения советских военнослужащих с местным населением и властями Прибалтийских государств находились и в поле зрения наркомата иностранных дел СССР (НКВД). По этим вопросам нарком иностранных дел В. М. Молотов в телеграмме от 23 октября 1939 г. полпреду СССР в Эстонии К. Н. Никитину указывал: «Вы должны заботиться только о том, чтобы наши люди, и в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли Пакт о взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии...» [5, п. 313, д. 2115, л. 83-87]. Строго предписывалось не вмешиваться в борьбу групп внутри Эстонии, принимать от них как от профсоюзов какие-либо делегации и т.д.; пресекать всякие разговоры о «советизации» Эстонии, как «выгодные и удобные в данный момент лишь провокаторам и врагам СССР» [Там же]. Аналогичные указания были направлены в советские полпредства в Латвии и Литве.

Итальянские дипломаты, давая оценку подходам советского руководства к взаимоотношению сторон, отмечали, что «московское правительство не желает волнений в этом регионе. Советизация государства может привести к распаду социальных и экономических связей, к попытке мятежа со стороны местных коммунистов. Лучше, чтобы все оставалось спокойно, и сохранялся порядок» [9, с. 102].

Для согласования и оперативного урегулирования могущих возникнуть повседневных вопросов были образованы смешанные комиссии, куда вошли командиры корпусов, руководители полпредств и торгпредств в Эстонии, Латвии и Литве и уполномоченные представители от министерств: иностранных дел, военного, внутренних дел и финансов этих республик [5, п. 306, д. 2112, л. 90-92].

Вопросы, выходящие за пределы компетенции комиссий, должны были передаваться на решение командующих войсками Ленинградского, Калининского военного округа, Белорусского фронта (в последующем Белорусского Особого военного округа) и главнокомандующих армией Прибалтийских государств [2, п. 21, д. 234, л. 22].

Для урегулирования проблем, непосредственно связанных с нахождением советских воинских контингентов (сил) на территории Прибалтийских государств, были разработаны нормативные документы: передвижение «отдельных лиц» и наземных войсковых частей, взаимоотношения военнослужащих сторон, передвижение транспортных средств, порядок пересечения государственных границ военнослужащими и членами их семей [19, д. 1, л. 1-4]. В этот же период были подписаны соглашения об аренде и использовании «телеграфа, телефона, радио и почты» [Там же, л. 5-7].

Однако подписанные сторонами договоры и соглашения к середине ноября 1939 г. не были обеспечены межправительственными договорами и соответствующим финансированием. Советский полпред в Литве Н. Г. Поздняков в своем докладе в НКВД отмечал, что воинские контингенты «вступили в предназначенные

пункты при отсутствии арендных договоров на участки и строения» [4, п. 29, д. 112, л. 95-98]. Схожая ситуация имела место и в Эстонии и Латвии, где командования корпусов, баз Балтийского флота и советские торговые представители не имели указаний «о том, когда, кем и в каком порядке должны быть заключены арендные договоры. В частности, никто реально не представляет себе понятия “по сходной цене”». Отмечалось, что «у командования есть приказ, кроме внутривоенного дела, самому ничего не делать и во всем обращаться к торгпреду. У последнего же нет директив, подтверждающих этот приказ» [Там же].

Поэтому 26 ноября 1939 г. в НКВД СССР было проведено совещание «по урегулированию хозяйственно-правовых вопросов, связанных с вводом советских войск в Эстонию, Латвию и Литву» [3, п. 12, д. 122, л. 45-48]. В совещании приняли участие заместитель народных комиссаров иностранных дел – В. П. Потемкин, обороны – А. Д. Локтионов, внешней торговли – М. С. Степанов и сотрудники НКВД: А. Я. Васюков (заведующий отделом Прибалтийских стран), А. А. Соболев (генеральный секретарь НКВД), Б. Н. Ерофеев (заведующий консульским отделом). В ходе работы были рассмотрены следующие вопросы:

1. об аренде средств телеграфно-телефонной связи, а также о курсировании наших почтовых вагонов на территории Эстонии, Латвии и Литвы;
2. об аренде земельных участков и строений;
3. о коммунальном обслуживании (снабжение электроэнергией, водой и проч.);
4. о работе военторга;
5. о порядке въезда и выезда комсостава и их семей, а также вольнонаемных служащих военных госпиталей и военторга;
6. о движении советских грузовых поездов на территории Эстонии, Латвии и Литвы [Там же].

Это совещание, по сути, положило начало системной работе, относящейся ко всему спектру проблем, связанных с реализацией договорных обязательств с Эстонией, Латвией и Литвой, всесторонним обеспечением практического выполнения задач, возложенных на советские воинские контингенты (силы), упорядочением отношений сторон и, в первую очередь, административно-хозяйственных.

Решение этих задач было проблематично на уровне командующих и военных советов Ленинградского, Калининского и Белорусского Особого военных округов. Поэтому приказом НКО СССР от 27 ноября 1939 г. № 0185 обязанности по осуществлению контроля за деятельностью и всесторонним обеспечением 65, 2 и 16-го особых корпусов были возложены на его заместителя, командарма 2 ранга А. Д. Локтионова [14, д. 3312, л. 250]. Все «связанные с этим вопросы» командования ЛВО, КалВО и БОВО, командиры 65, 2 и 16 корпусов должны были решать через заместителя НКО Локтионова [Там же]. 65, 2 и 16 особые стрелковые корпуса оставались в подчинении командующих военных округов.

25 декабря 1939 г. эстонский посланник в Москве А. Рей представил В. М. Молотову записку с предложением заключить общую конвенцию для урегулирования хозяйственных, административных, юрисдикционных и технических вопросов, «вытекающих из факта нахождения советских войск на территории» Эстонии [6, п. 48, д. 2, л. 13-16]. На это предложение 10 января 1940 г. была направлена памятная записка, в которой указывалось, что советское правительство разделяло «мнение эстонского правительства», но пойти по пути заключения общей конвенции сразу по всему комплексу вопросов в тот момент, ввиду ее «громоздкости», представлялось нецелесообразным. По мнению советской стороны, конвенция на тот момент была бы преждевременна, считалось, что общая конвенция должна «вырасти из практики, по мере накопления достаточного опыта» [Там же]. Попытка же заранее построить юридические формы для еще не сложившихся на практике отношений приведет к постановке надуманных, нежизненных вопросов [Там же].

Советская сторона, прежде всего, отвергала принцип, согласно которому «в отношении пребывающих на территории Эстонии Вооруженных Сил СССР и входящих в их состав лиц применяются узаконения Эстонии, поскольку иное не предусмотрено в заключенной конвенции и иных соглашениях и поскольку дело не касается вопросов внутреннего порядка и служебной дисциплины Вооруженных Сил СССР». В противоположность этому выдвигался принцип, являющийся одним из важнейших принципов международного права. Согласно этому принципу иностранные военные отряды, допущенные на территорию другого государства, внеземельны [Там же].

Специалисты-юристы НКВД считали, что можно было бы лишь внести в конвенцию указание на то, что в отношении «отдельных лиц, принадлежащих к составу РККА и РККФ, при вступлении их в частноправовые отношения применяются гражданские законы Эстонии (например, алиментные дела и т.п.)» [7, п. 29, д. 1, л. 115-117]. В НКВДе считали, что о привлечении в качестве ответчиков по гражданским делам частей РККА и РККФ не может быть и речи, так как все хозяйственные договоры для нужд этих частей заключаются от имени торгпредства, а прочие претензии к ним должны регулироваться в дипломатическом порядке» [Там же].

В отношении административного законодательства эстонская сторона предлагала части РККА и отдельно красноармейцев приравнять к частям и лицам эстонской армии. Советской стороной отвергалось предложение распространить на части РККА и РККФ, а равно на отдельных бойцов и командиров местной эстонской уголовной и гражданской юрисдикции и административного законодательства, в т.ч. предложение установить порядок и правила проведения общественных мероприятий: собраний, спектаклей, концертов и др. Считалось, что эти вопросы должны были решаться совершенно независимо от регламентации и контроля эстонских властей.

НКВД предложил в принципе принять предложения эстонской стороны о заключении предложенного варианта общей конвенции, охватывающей отдельные соглашения по всем указанным вопросам в дальнейшем,

с тем, чтобы продолжить переговоры именно по отдельным, наиболее срочным и важным вопросам, добиваясь их скорейшего разрешения.

К апрелю 1940 г. эстонское правительство разработало свой проект соглашения о поддержании порядка и общественной безопасности в связи с пребыванием на территории Эстонии Вооруженных Сил СССР. После его обсуждения и согласования сторонами 15 мая 1940 г. оно было подписано. Эстонская сторона его оценивала как соглашение, которое «точно фиксирует отношения наших вооруженных сил и сил Советской России территориально. До этого все было запутано и неясно» [11, с. 165-166].

С Латвией и Литвой договоры, конкретизирующие отношения сторон, были подписаны только летом 1940 г., уже после смены в них правительств.

В ходе выполнения задач, возложенных на соединения, воинские части РККА и силы РККФ, возникали проблемы и экономического характера. 29 ноября 1939 г. в Латвии был принят «Закон снабжения и по гражданско-правовым сделкам с иностранными военными» [16, д. 1236, л. 331а]. Советские представители отметили, что «комитет [Там же]¹ ... лишает возможности непосредственной связи с конкурентными фирмами» [3, п. 12, д. 118, л. 135-150]. Отмечалось, что «настроение “заработать” зашло настолько далеко, что латпра потеряло чувство меры» [Там же]. Аналогичная ситуация сложилась в Эстонии [Там же, п. 8, д. 68, л. 1-2], а в представленном литовской стороной проекте цены «по арендным условиям ... на здания и земли» были «преувеличены в 5-10 раз» [11, с. 208].

Указанные проблемы препятствовали организации и проведению подготовки советских воинских контингентов на требуемом уровне. Командир 65 корпуса А. А. Тюрин 27 декабря 1939 г. докладывал Военному совету ЛВО и Локтинову относительно проведения лагерных сборов: «Доношу, с учебной точки зрения выход частей корпуса в лагерь в 1940 году был бы очень желателен» [17, д. 375, л. 14]. Но, указывая на неготовность объектов военной инфраструктуры, Тюрин предлагал в 1940 г. в лагерь не выходить, ограничившись выводом лишь отдельных подразделений вблизи пунктов их дислокации [Там же]. Во 2 и 16 корпусах ситуация была аналогичной.

Эту проблему усугубляло то, что советские воинские контингенты не во всех местах дислокации были расположены в обособленных военных городках, что затрудняло организацию нормальной жизни, учебы и быта советских воинских контингентов [11, с. 170]. Относительно этой проблемы полпред СССР в Эстонии К. Н. Никитин в своем дневнике 25 ноября 1939 г. отмечал, что общение красноармейцев и краснофлотцев с населением происходило в тех районах, где советские войска были расквартированы непосредственно по хуторам, т.к. «здесь изоляция от местного населения почти невозможна, то имеются случаи общения с женщинами... <...> Во многих ресторанах и кафе, наиболее часто посещаемых командирами, а также рядовым составом, вся прислуга преимущественно женская и вдобавок говорящая на русском языке» [7, п. 48, д. 5, л. 148-162]. Во многом это было обусловлено неудовлетворительной организацией работы военторга, что также влекло обмен военнослужащими табачных изделий, продуктов питания и советских денег на товары широкого потребления [12, д. 832, л. 72].

Определенный отпечаток на взаимоотношения сторон наложила и советско-финляндская война. В Эстонии это было вызвано тем, что в ходе советско-финляндской войны непреднамеренно допускались случаи бомбардировок советскими самолетами территории республики [9, с. 149].

Вместе с тем, в имеющихся в нашем распоряжении документах есть факты, подтверждающие действия советских военнослужащих, направленные на защиту имущества граждан Эстонии. Так, 18-го ноября 1939 г. в г. Палдиски, получив сигнал, пожарная команда Береговой обороны Балтийского района (БОБР), первой прибыла для его тушения. Было спасено имущество эстонских граждан. В докладе отмечалось, что в эстонские газеты поместили статьи, восхваляющие русских моряков, «спасших Палдиски от уничтожения огнем» [12, д. 832, л. 4].

Советский полпред в Латвии И. С. Зотов в своем докладе 4 декабря 1939 г. в НКВД заострял внимание «на трактовании положений» советско-латвийского пакта о взаимопомощи президентом Латвии К. Ульманисом, который заявлял: «... целью и заданием этих гарнизонов является оборона определенных участков, а не оборона нашего государства сообща, которая все же остается и будет оставаться задачей нашей собственной армии» [11, с. 178]. Зотов отмечал, что такая установка «помогает... создавать атмосферу недружелюбия» [Там же].

Стереотипы негативного образа советского военнослужащего формировались и в руководящих документах армии Латвии. Несмотря на заключение Пакта, «до сих пор находится в употреблении военный устав 1938 года издания, в котором в качестве примеров мародерства приведены фотографии красноармейцев, грабящих мирное население» [5, п. 313, д. 2115, л. 158]. То есть латвийское командование в принципе не меняло свое негативное отношение к вооруженным силам государства (СССР), с которыми согласно Пакту возможно вместе пришлось бы отражать военную агрессию противника.

В литовской прессе с началом Советско-финляндской войны распространялась информация о том, что «части советских войск, побывавшие за границей, будут после направлены в Сибирь» [Там же].

В то же время советский полпред в Литве Н. Г. Поздняков докладывал, что в тот период в среде литовской элиты формировалась даже «некая позиция соперничества» среди Балтстран: «Нельзя не отметить

¹ Согласно п. 1 «Закона о снабжении...» гражданско-правовые сделки разрешались «исключительно особому комитету по снабжению гарнизонов».

какое-то странное желание литовцев обратить наше внимание на наличие сильных антисоветских (против советских гарнизонов) настроений в Латвии и относительно к ним довольно спокойное и даже “добрососедское” умонастроение в Литве» [11, с. 330].

Вышеуказанные факты имели место в течение всего времени пребывания контингентов советских войск (сил) на территории Эстонии, Латвии и Литвы и показывают, что отношения носили сложный характер. Советское руководство оценивало «выполнение пактов о взаимопомощи между СССР и Прибалтами лишь как удовлетворительное» [16].

В целом, правовые основы взаимоотношений контингентов советских войск (сил) с местными властями и населением способствовали установлению и поддержанию, в основном, бесконфликтных взаимоотношений. При этом развитие отношений сторон носило сложный характер.

Документы, регламентирующие правовые основы взаимоотношений вводимых на территории Эстонии, Латвии и Литвы советских войск (сил) с местными властями и населением, следует разделить по степени значимости в следующем порядке:

1. основополагающие документы – пакты и договор о взаимопомощи между правительствами СССР и Прибалтийскими республиками;

2. соглашения между командованием Красной Армии, советского Военно-Морского Флота и командованиями вооруженных сил Эстонии, Латвии и правительством Литвы;

3. Приказы Народного комиссара обороны СССР от 25 октября 1939 г. №№ 0162, 0163, 0164 и директива Народного комиссара Военно-Морского Флота СССР от 14 октября 1939 г. № 3208.

В ходе выполнения договоров о взаимопомощи перед сторонами возникали все новые и новые проблемы, для решения которых с ноября 1939 г. по май 1940 г. велись длительные переговоры на различных уровнях, в результате которых были заключены соглашения, конкретизировавшие их отдельные положения.

Список литературы

1. Ануцин В. В. Прибалтийские республики: 1939 год // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 11-13.
2. Архив внешней политики Российской Федерации Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 1.
3. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2.
4. АВП РФ. Ф. 011. Оп. 4.
5. АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1.
6. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 32.
7. АВП РФ. Ф. 154. Оп. 23.
8. Доклад В. М. Молотова на шестой сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. // Известия. 1940. 30 марта.
9. На чаше весов: Эстония и Советский Союз. 1940 год и его последствия / сост. П. Варес, О. Журьяри. Таллинн: Евроуниверситет, 1999. 470 с.
10. От пакта Молотова–Риббентропа до договора о базах: документы и материалы / сост. К. Арьякас. Таллинн: Периодика, 1989. 209 с.
11. Полпреды сообщают...: сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: август 1939 – август 1940 г. М.: Международные отношения, 1990. 544 с.
12. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-34. Оп. 6.
13. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2.
14. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 3.
15. РГВА. Ф. 4. Оп. 15.
16. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3.
17. РГВА. Ф. 33988. Оп. 3.
18. РГВА. Ф. 37977. Оп. 1.
19. РГВА. Ф. 39041. Оп. 6.
20. Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил: историко-статистическое исследование. Изд-е 2-е, доп. / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. Подольск: ГУП МО «Подольская фабрика офсетной печати», 2005. 712 с.

THE FORMATION OF THE CONDITIONS OF THE COMPLIANCE OF THE TREATIES ABOUT MUTUAL ASSISTANCE OF THE USSR WITH ESTONIA, LATVIA AND LITHUANIA (1939): TREATY OBLIGATIONS REALIZATION PROBLEMS

Sergei Nikolaevich Kovalev, Ph. D. in History
Scientific-Research Department (of RF North-West Region Military History)
Scientific-Research Institute (of Military History)
General Staff Academy of the Armed Forces of the Russian Federation
milhistory@yandex.ru

The author analyzes the documents regulating the soviet troops (forces) relations with the population and authorities of Estonia, Latvia and Lithuania during the period from autumn 1939 till summer 1940, shows the complex developmental character of these relations and pays special attention to the most typical problems and their causes in the reached agreements realization practice.

Key words and phrases: pacts; mutual assistance treaty; agreements; orders; directives; legal foundations; military-political situation; shifting balances of power in Europe; soviet troops (forces).